

«Паршивая овца все стадо портит»: особенности взаимоотношений между солдатами Красной армии Восточного фронта во второй половине 1918 г.

К середине 1918 г., т.е. к моменту начала широкомасштабной фронтовой Гражданской войны в России личный состав Красной армии представлял собой довольно пеструю организацию, которую можно разделить на несколько групп по социальному (рабочие и крестьяне) и национальному признакам (русские и иностранные «интернационалисты»), а также в зависимости от уровня боеспособности, дисциплины и сознательности. В сложившейся ситуации возникает закономерный вопрос: каким образом указанная разношерстная и неоднородная толпа взаимодействовала друг с другом в условиях развернувшихся боевых действий?

Советские историки отвечали на этот вопрос довольно однообразно, приводя в качестве позитивных примеров рабоче-крестьянский союз¹, а также интернациональную дружбу всех участвовавших в сражениях с противником народов². Имелись и негативные, буквально единичные, примеры, когда представители антибольшевистских партий, паникеры, кулаки и прочие пробравшиеся в Красную армию подобные личности сознательно и целенаправленно агитировали других солдат не воевать за советскую власть. Однако с подобными элементами удавалось быстро справиться и стабилизировать обстановку в войсках.

В современной историографии указанный вопрос, ввиду общей потери интереса к истории создания Красной армии в годы Гражданской войны, практически не рассматривался. Во всяком случае, привести в качестве примера какое-либо специальное исследование затруднительно. Поэтому в данной статье на основе обширной источниковой базы, представленной как материалами из Российского государственного военного архива, так и опубликованными документами и воспоминаниями, предпринимается попытка ответить на поставленный выше вопрос. В качестве хронологических

¹ Молодцыгин М.А. Рабоче-крестьянский союз, 1918–1920. М., 1987.

² Интернационалисты. Трудящиеся зарубежных стран – участники борьбы за власть советов. М., 1967; История латышских стрелков (1915–1920). Рига, 1972.

и территориальных рамок используются армии Восточного фронта (1-я, 2-я, 3-я, 4-я и 5-я)¹, действовавшие против антибольшевистских вооруженных сил в Поволжье и на Урале во второй половине 1918 г.

Несмотря на то, что советское правительство всяческим образом пыталось оградить формирующуюся Красную армию от вступления в нее всевозможных несоциалистических и небоевых элементов, последние, по целому ряду причин в нее попадали. В итоге в войсках сложилась значительная прослойка «прагматиков», которые руководствовались меркантильными интересами, просто случайных людей, а также небольшая часть сознательных красноармейцев, действительно стремившаяся защищать советскую власть от нападков врагов. Разными, в зависимости от местности, где происходило создание воинских подразделений, были уровень боевой подготовки и опыт ведения боевых действий. Так или иначе, контингент вооруженных сил, сосредотачиваемый на Чехословацком фронте² в конце мая – начале июня 1918 г., не мог в большинстве случаев похвастаться высоким уровнем дисциплины

¹ Восточный фронт был номинально создан постановлением СНК от 13 июня 1918 г., которым утверждался состав Революционного военного совета (главком М.А. Муравьев, комиссары П.А. Кобозев и Г.И. Благонравов). Перед РВС стояла задача организации управления войсками Красной армии, расположенными на востоке страны. Состав РВС на протяжении второй половины 1918 г. менялся неоднократно.

² Чехословацкий фронт был создан в Среднем Поволжье для подавления выступления солдат Чехословацкого корпуса приказом Народного комиссара по военным делам Л.Д. Троцкого от 31 мая 1918 г. (См.: Директивы Главного командования Красной Армии (1917–1920). М., 1969. С. 95). В первых числах июня 1918 г. фронт был разделен на Западный Чехословацкий (главком А.Ф. Мясников) и Восточный Чехословацкий фронт (главком Н.И. Подвойский). Это было сделано для более удобного управления отдельными частями и подразделениями, разбросанными на большой территории. Разделение данного войскового объединения на Западный и Восточный Чехословацкий существовало формально и не было закреплено нормативными актами. Как правило, указанными понятиями оперировали представители военного командования при написании отчетной документации, либо составители информационных сводок. Впоследствии части и подразделения Западного и Восточного Чехословацкого фронта были реорганизованы в 1-ю и 2-ю армии Восточного фронта.

и военной подготовки. В качестве примера можно привести слова командующего Западным Чехословацким фронтом А.Ф. Мясникова из записки Л.Д. Троцкому от 25 июня 1918 г., где он резюмировал свой опыт руководства войсками в первой половине июня 1918 г.: «Состав красноармейских частей весьма неблагонадежный: в части проникли шкурники, трусы, преступные элементы, примазавшиеся к Советам, провокаторы, авантюристы и люди, поставившие себе целью пользоваться солдатским пайком. В красноармейских частях солдаты в 75% состоят из подобных элементов»¹.

Очевидно, что указанная группа бойцов оказывала преимущественно негативное воздействие на остальных солдат. Причем данное влияние осуществлялось как косвенным, так и прямыми способами. В первом случае красноармейцы «заражали» своих сослуживцев собственным примером путем открытой демонстрации тех или иных поступков – отступление в тыл, пьянство и грабеж – безнаказанное совершение которых для остальных красноармейцев выглядело очень соблазнительным ввиду общей тяготы военной службы. Участники событий отмечали невероятно большую скорость, с которой происходило разложение «здоровых» частей. Например, И.А. Онуфриев, командир 3-го Уральского полка, вспоминал о прибытии на Златоустовский участок фронта Эстонского полка из Петрограда в начале июня 1918 г.: «Он внес с собою дух бодрости и признаки воинской дисциплины, но вскоре сам подпал под общее [негативное] настроение и растворился в общей массе»².

Пребывание на участке боевых действий хотя бы одной или двух небоеспособных и недисциплинированных частей, которые после малейшей неудачи предавались панике, очень часто приводило к бегству остальных воинских формирований. Например, в телеграмме Л.Д. Троцкому и заведующему оперативным отделом Народного комиссариата по военным делам С.И. Аралову от 10 июня 1918 г. А.Ф. Мясников докладывал: «Провокационный уход из сторожевого охранения в ночь с 7 на 8 июня отряда Всероссийской чрезвычайной следственной комиссии, находившийся под командованием члена той же комиссии матроса Попова вызвал самочинный уход с фронта отрядов Казанского, Балашовско-

¹ Российский государственный военный архив (далее – РГВА). Ф. 1. Оп. 1. Д. 449. Л. 1–2 об.

² *Онуфриев И.А.* Гражданская война на Урале: Воспоминания бывшего комбрига. Свердловск, 1925. С. 19–20.

го, Саратовского, Камышинского и Кирсановского, объединенных общим командованием председателя Балашовского Совдепа Солонина...»¹. 14 июня 1918 г. А.Ф. Мясников вновь сообщал, что Минский полк покинул ст. Мыльная, а вслед за ним отступил Смоленский полк².

Иногда подобные отходы носили вынужденный характер, так как соседние части не имели физической возможности в одиночку удерживать боевой участок. В данной ситуации неоднократно оказывался 4-й латышский полк, который во время наступательных операций 1-й армии под Сызранью в июне – июле 1918 г. регулярно отступал в тыл из-за небоеспособности подавляющего числа других воинских формирований. Например, исполняющий обязанности политического комиссара Латышской дивизии К.Х. Данишевский, инспектировавший войска 1-й армии, в докладе от 29 июня 1918 г. писал, что разложение полка «началось после поражения на левом берегу Волги, когда неорганизованные и плохо снабженные отряды под руководством неспособных начальников начали постыдное отступление и повлекли за собой и отступление латышского полка, намеревавшегося только что перейти в наступление»³. Подобные примеры панических отходов, произошедших летом 1918 г. на разных участках фронта, представлены в документах и воспоминаниях в большом количестве⁴.

Аналогичным образом происходило распространение среди солдат других поведенческих стереотипов, в частности, неуважительного отношения к казенному и частному имуществу. В разговоре начальника штаба Западного Чехословацкого фронта И.А. Войтыны и командира Сызранской группой войск А. Маршина от 10 июня 1918 г. следующим образом сообщалось о поведении Козловского и Нижегородского отрядов: «последний не

¹ РГВА. Ф. 106. Оп. 7. Д. 4. Л. 39 об. – 41.

² Там же. Ф. 151. Оп. 1. Д. 1. Л. 65.

³ Там же. Ф. 1. Оп. 2. Д. 45. Л. 140.

⁴ *Перкин Д.Е.* Коммунистический отряд на фронте // 1918 год на родине Ленина: Сборник воспоминаний о революции в Симбирской губернии. Куйбышев, 1936. С. 118; *Пичугов С.Г.* Нет положения, из которого нельзя выйти с честью // Сборник воспоминаний непосредственных участников Гражданской войны 1918–1922. М., 1932. С. 181–182; *Чистов Б.Н.* Парторганизация в дни гражданской войны // 1918 год на родине Ленина: Сборник воспоминаний о революции в Симбирской губернии. Куйбышев, 1936. С. 50.

из надежных и на него нужно обратить внимание и в зародыше уничтожить разлагающее влияние его на других. Сегодня несколько человек было задержано по случаю продажи ими предметов обмундирования»¹. При этом подобное «заражение», судя по всему, происходило неосознанно. Один из свидетелей пребывания Инзенской и Пензенской дивизий 1-й армии в Сызрани 8–10 июля 1918 г. приводил в эсеровской газете «Земля и воля» следующий эпизод общения местной жительницы с солдатом, который грабил дома вместе с остальными бойцами: «Остался один пожилой красноармеец, который сел на стул и обхватил голову руками, точно в раздумье над тем, что он делает. К нему обратилась с вопросом женщина, остававшаяся в доме, в качестве прислуги:

– Что, товарищ, небось, и самому стыдно стало. Неужто не понимаешь, что нехорошее дело делаешь?

– Сам вижу, что нехорошо, отвечал он, а делал, потому что другие тоже делают. Вот чувствую, что надо что-то делать, только не это, а что надо? – сам не знаю»².

Довольно часто подобные поступки происходили благодаря умеренной агитации определенной группы солдат, которые в документах прямо назывались провокаторами. Среди них можно выделить так называемых стихийных провокаторов, которые больше напоминали обычных паникеров, настраивавших своим нестабильным поведением остальных красноармейцев на отступление в тыл. Например, член Высшей военной инспекции В.А. Фейерабенд в докладе от 14 июня 1918 г. приводил следующий эпизод участия 7-го Приурального полка в боевых действиях на Уфалейском участке Северо-Урало-Сибирского фронта³: «Инцидент с 7 Приуральским полком произошел на том основании, что люди, совсем непригодные к боевым действиям в смысле дисциплинированности и обученности, побыв раз в бою, увидев в нем опасность для жизни, отказались подчиняться приказаниям и нести службу сторожевого охранения. Поражение и бегство со станции Куштин-

¹ РГВА. Ф. 151. Оп. 1. Д. 1. Л. 21–22.

² Земля и Воля. Орган Сызранского Комитета партии Социалистов-Революционеров. 1918 г. 16 (3) июля. № 14.

³ Создан приказом Народного комиссариата по военным делам от 14 июня 1918 г. для реорганизации многочисленных отрядов уральских рабочих и красногвардейцев, которые были созданы в районе Омск – Челябинск. 20 июля 1918 г. был переименован в 3-ю армию Восточного фронта.

ской использовалось разными провокаторами, которые распространили слух, будто штаб и комиссар фронта их продают. Эти провокационные слухи, поддерживаемые трусостью и шкурными вопросами еще более увеличили тот раскол в полку, который начался при его формировании в гор. Перми»¹.

Аналогичная ситуация сложилась в Пензенской дивизии 1-й армии в конце июля – начале августа 1918 г., о чем в письме В.И. Ленину от 24 сентября 1918 г. сообщал политический комиссар С.П. Медведев: «Стоило только устроить подлыми элементами какую-либо провокацию и эти части, расположенные в вагонах, не остановить бы и на расстоянии 100 верст от места провокации»². В политической сводке по 3-й армии от 13 сентября 1918 г. также отмечалось: «Нижний Тагил. Временный отход не отразился особенно на настроениях частей 1-й бригады. Причинами неудачи были паника в частях, находящихся на передовых позициях, вызываемая провокаторскими элементами, отсутствием правильной связи между частями, недостатком в командном составе и, в некоторых случаях, нераспорядительностью командного состава пехоты. Выполнение боевых приказов временами также заставляло желать лучшего. Позорно вел себя 3-й Горный полк, его паническое бегство, сопровождающееся обнажением частей фронта, имело решающее значение в бою. Полк этот состоит даже не из трусов, но малосознательных элементов. При наступлении полк идет хорошо, но стоит только отдать приказание к отступлению, как настроение резко меняется, и достаточно кому-либо тогда крикнуть, что мы обойдены, чтобы тотчас создалась выгодная для неприятеля паника»³.

Прагматичные провокаторы действовали в подавляющем большинстве случаев последовательно и хладнокровно, добиваясь собственных целей в рамках части или подразделения. В результате персональная ответственность за деяние становилась коллективной, что затрудняло борьбу с данными явлениями со стороны вышестоящего руководства в лице представителей командного состава и политических комиссаров. Как правило, указанные факты также были связаны с отступлением с фронта или с наступлением

¹ РГВА. Ф. 1. Оп. 3. Д. 58. Л. 150.

² Медведев С.П. – В.И. Ленину. 24 сентября 1918 г. // Большевистское руководство. Переписка. 1912–1927. Сборник документов. М., 1996. С. 47.

³ Гражданская война на Урале в документах 3-й армии РККА: Сборник документов. Екатеринбург, 2008. С. 82–83.

на передовые позиции. Например, 3 июня 1918 г. на заседании Саранского уездного исполнительного комитета Пензенской губернии сообщалось, что «отряд красноармейцев под агитацией негодной своей части отказался ехать в г. Сызрань и был председателем Пензенского губернского совета тов. Кураевым признан контрреволюционным»¹. Подобные случаи довольно часто фиксировались в политических сводках. Например, в документе от 6 июля 1918 г. отмечалось, что «Самарский отряд коммунистов и части Сенгилеевского фронта (1-й армии – *Е.Н.*) под контрреволюционным влиянием агитации покинули свои позиции и отказались от выступления»². Похожие сведения приводились в сводке от 15 июля 1918 г., где сообщалось о причинах отхода войск Бугульминского участка 1-й армии: «Причины отступления следующие: 1. Отсутствие твердого командования. 2. Деморализация, вносимая действием некоторых лиц, [которых] выясняет следствие»³. На указанную тенденцию также обращал внимание начальник Пензенской дивизии 1-й армии А.И. Воздвиженский в приказе № 13 от 15 августа 1918 г.: «За последнее время я наблюдаю, что все более и более учащаются случаи самовольного оставления своих постов красноармейцами и командным составом в трудную минуту, когда каждый должен быть на своем месте, на своем посту. Среди армии появилось много шпионов и провокаторов, которые явно или подпольной агитацией расстраивают ряды Красной армии, творя свое гнусное дело ...»⁴. Довольно часто о преступных действиях указанных лиц сообщалось в декабрьских сводках по 3-й армии⁵.

Далеко не всегда преобладающей целью провокаторов являлось отступление в тыл. Например, в политической сводке от 1 июля 1918 г., где характеризовалась ситуация в войсках 1-й армии, действующих в районе Симбирск – Инза, было написано следующее: «Пропагандой отдельных личностей вносится дезорганизация. Этому способствует нераспорядительность командиров»⁶. Иногда

¹ Центральный государственный архив Республики Мордовия (ЦГА РМ). Ф. Р-37. Оп. 1. Д. 8. Л. 32.

² РГВА. Ф. 1. Оп. 2. Д. 44. Л. 179.

³ Там же. Ф. 106. Оп. 7. Д. 20. Л. 41–42.

⁴ Там же. Ф. 1307. Оп. 2. Д. 692. Л. 14.

⁵ Гражданская война на Урале в документах 3-й армии РККА. С. 225, 231–232.

⁶ РГВА. Ф. 1. Оп. 4. Д. 41. Л. 341.

имела место обычная вражда между подразделениями на той или иной почве, которая указанными людьми лишь культивировалась. В приказе по 4-й армии № 14 от 26 августа 1918 г. командующий отмечал, что «при посещении полков Николаевской дивизии мною замечено было (так в документе – *Е.Н.*) какая-то глухая работа провокаторов, клонящаяся к подрыву доверия между частями войск, как, например, между 1-м и 3-м советскими Николаевскими полками. Предлагаю начальнику дивизии тов. Захарову принять все зависящие от него меры к искоренению этой работы провокаторов»¹.

В подавляющем большинстве случаев в документах не содержится информации о том, кто конкретно из солдат выступал в роли провокаторов. Очевидно, это были люди, которые по тем или иным причинам отказывались принимать участие в боевых действиях. Однако иногда в источниках встречаются конкретные указания относительно характеристики данных провокаторов. 20–22 июля 1918 г. находившийся в резерве 4-й латышский полк Инзенской дивизии 1-й армии отказался выступать на фронт под Симбирск, который находился под угрозой сдачи. Участники событий выделяли множество причин, объясняющих подобное поведение стрелков, среди которых главными являлись усталость и нехватка всего необходимого для ведения боевых действий. Однако инициатором сопротивления приказу командования, согласно некоторым свидетельствам, была небольшая группа солдат, которая ранее выступила зачинщиком грабежей в Сызрани во время присутствия части в городе. Командующий фронтом И.И. Вацетис в обращении к солдатам 4-го латышского полка от 22 июля 1918 г. сообщал: «До меня дошли слухи, что вас держит в терроре кучка ваших же товарищей, награбивших в Сызрани большие богатства и не желающих с ними расстаться и рисковать жизнью в боях»². Сотрудник политического отдела штаба Восточного фронта Г. Слуп, занимавшийся расследованием данного инцидента, в своем докладе также писал о группе солдат, выступивших против отправки в Симбирск и завоевавших тем самым популярность остальной части полка. Так, Г. Слуп писал: «Потом еще состоялось два собрания, которые также кончились, как и первое. Бунтаторами (так в документе – *Е.Н.*) руководил бывший офицер Берзин, а

¹ Там же. Ф. 184. Оп. 3. Д. 887. Л. 24.

² Там же. Ф. 33987. Оп. 2. Д. 26. Л. 51–52.

к нему присоединились те, которые при отступлении от Сызрани награбили богатства»¹.

В документах содержится огромное количество свидетельств о влиянии на солдат мобилизованных крестьян, которые направлялись на фронт и вливались в уже сформированные части и подразделения в качестве пополнений. Например, в одном из сборников воспоминаний, повествующих о событиях в прифронтовой Казанской губернии в июле 1918 г., сообщалось о ситуации, сложившейся в 1-й Казанской советской дивизии: «прибывшие мобилизованные разлагали остальных своим пассивно-отрицательным отношением. Неоднократная посылка отрядов на фронт против Дутова и чехо-словаков (было отправлено три отряда) с наилучшими красноармейскими частями-добровольцами, не образовавшаяся с боеспособностью остающихся частей, создали хаотическое состояние последних, тем более, что вновь мобилизованные были не обучены»². О негативном воздействии призванных крестьян на остальных красноармейцев обращало внимание множество современников, которые жаловались на пополнения из тыла невысокого качества. В основном подобные факты были характерны для 3-й и 4-й армий. Как правило, в воспоминаниях сообщалось о влиянии на солдат проникших в части «зажиточных крестьян с кулацко-эсеровскими настроениями», которые агитировали сослуживцев отказываться от выступления на фронт, либо переходить на сторону противника, что последние, собственно говоря, и делали³.

Например, в середине декабря 1918 г. в Ново-Орлово-Куриловском полку 4-й армии, пополненном «мобилизованными крестьянами, с большим процентом кулаков из волости того же наименования», произошли волнения, которые ввиду тесного соседства с Ба-

¹ Там же. Д. 13. Л. 280.

² Борьба за Казань: Сборник материалов о чехо-учредилдовской интервенции в 1918 г. Казань: [б. и.], 1924. № 1. С. 29.

³ *Баширцев И.С.* Политработа в 1-й армии // За счастье народное: Воспоминания участников гражданской войны в Оренбуржье. Челябинск, 1969. С. 224; Из истории Гражданской войны в СССР (Май 1918 – Март 1919): в 3 т. М., 1960. Т. 1. С. 391; *Кутяков И.С.* Разгром Уральской белой казачьей армии. М., 1931. С. 13; *Онуфриев И.А.* Указ. соч. С. 49; *Пичугов С.Г.* Неизведанными путями: Воспоминания о гражданской войне на Урале. М., 1958. С. 113–114.

лашовским полком, перекинулись на него¹. В политической сводке от 14 декабря 1918 г. сообщалось, что в части «чувствуется натянутое отношение, которое выражается в саботаже и в предъявлении всевозможных требований, в остальной же части полка настроение хорошее». При этом воздействие Ново-Орлово-Куриловского полка на другие части не было косвенным. Судя по документу, «из Новоорловско Куриловского полка послан наказ 1 батальону Балашовского полка, [в] котором Новоорлово-Куриловцы просят у балашовцев поддержки, так как в случае неустойки предполагает отступить к Балашовскому полку. Новоорлово-Куриловцами напечатаны и распространяются воззвания к красноармейцам, но таковые задерживаются. Политическими работниками приняты меры заменить батальон Балашовского полка сборными работами, и посланы для агитации лучшие силы из политического отдела дивизии»².

Пропагандистская работа куриловцев оказалась результативной, так как некоторые части их поддержали. В сводке от 17 декабря 1918 г. сообщалось: «В первом мусульманском полку настроение хорошее. Но военполитком третьей бригады полагает, если к Новоорлово-Куриловскому полку применять репрессивные меры, то Мусульманский полк может разложиться». Неудивительно, что дивизионное командование опасалось распространения данной «заразы»: «В Новоорлово Куриловском полку настроение красноармейцев возбужденное. Если в скором времени не будет ликвидирован конфликт, придется иметь дело с несколькими полками. Также замечено брожение в броневых поездах»³. Окончательно утихомирить полк в декабре 1918 г. не удалось, в результате чего волнения продолжились в январе 1919 г. Здесь нужно отметить, что тезис о крестьянском «кулацко-эсеровском» саботаже в современной историографии неоднократно подвергался критике. Очевидно, что недовольство призывников было обусловлено их насильственной мобилизацией в Красную армию, а также нехваткой всего необходимого для участия в боевых действиях⁴.

¹ *Кропалев Н. **** // Сборник воспоминаний к четвертой годовщине Рабоче-крестьянской Красной армии. 1918–1922. М., 1922. С. 26.

² РГВА. Ф. 33987. Оп. 2. Д. 8. Л. 62–71.

³ Там же. Ф. 106. Оп. 2. Д. 4. Л. 170.

⁴ *Симонов А.А.* Мятаж полков Николаевской дивизии на Восточном фронте (январь 1919 г.) // Новый исторический вестник. 2009. № 4 (22). С. 15–27.

В официальных документах, в частности в политических сводках, подобная информация приводилась нейтрально. В них, как правило, просто сообщалось о провокаторах из среды мобилизованных крестьян. Их происхождение при этом не указывалось. В сводке по 3-й армии от 21 сентября 1918 г. отмечалось: «Настроение частей из местного крестьянства очень скверное. Контрреволюционный элемент там не глохнет и заражает и других путем агитации. Так, разлагающее влияние их сказывается на Прокофьевском эскадроне и некоторых ротах Алапаевского полка»¹.

В сводке по 3-й армии от 23 сентября 1918 г. приводилась информация о том, что «в частях иногда встречаются провокаторы, распускающие нелепые слухи; в большинстве случаев они из среды мобилизованных»². В сводке по 1-й армии от 17 декабря 1918 г. содержатся сведения об усилившейся работе провокаторов в Саранском полку Пензенской дивизии, состоящем из мобилизованных крестьян одноименного уезда. Там же приводился результат их работы: «Были случаи столкновения комиссаров [и] командиров с красноармейцами. Так, комиссар Ермаченко, принявшийся составлять списки хулиганствующих красноармейцев, чуть не был поднят на штыки. В 1 Саранском полку 60 перебежчиков на сторону белых... Бригадный комиссар опасается перехода Саранского полка к белым»³.

Иногда составители сводок прямо указывали на факт негативного влияния на солдат именно зажиточного крестьянства». Например, в сводке по 3-й армии от 14 декабря 1918 г. сообщалось: «В 5 полку среди пополнения мобилизованных, состоящих из кулацких элементов, велась пропаганда за отказ идти в наступление и даже за переход [к] белым. Против этого приняты все необходимые меры»⁴. Неудивительно, что в некоторых частях солдаты отказывались принимать пополнения из мобилизованных. Например, в политической сводке по 3-й армии от 5 декабря 1918 г. отмечалось, что в объединении множество формирований после многих месяцев непрерывных боев «просят пополнений, и притом не местными мобилизованными, а именно из мест их формирования, например, из Петрограда». Далее в сводке сообщалось, что «вли-

¹ Гражданская война на Урале в документах 3-й армии РККА. С. 103.

² Там же. С. 107.

³ РГВА. Ф. 106. Оп. 2. Д. 25. Л. 30–31.

⁴ Там же. Ф. 33987. Оп. 2. Д. 8. Л. 62–71.

тие же в часть местных, качественно гораздо худших пополнений, понизит значение части, по их мнению, как боевой единицы»¹.

Далеко не всегда призывники оказывали подобное воздействие на остальных солдат. Например, во время совещания представителей политических отделов армий Восточного фронта, которое состоялось в Симбирске 21–24 октября 1918 г., заведующий политотделом 1-й армии К.А. Козлов, перечисляя факты недисциплинированного поведения некоторых воинских формирований, отмечал: «Были еще украинско-белорусские части. Центр разложения, но после того как в них влили мобилизованных, части стали много лучше»².

Большое количество информации о намеренном воздействии солдат на сослуживцев с той или иной целью содержится в материалах армейских и дивизионных военно-революционных трибуналов (ВРТ). Например, 8 ноября 1918 г. в Правой группе войск 5-й армии рассматривалось дело красноармейца Старорусского полка В. Григорьева, который агитировал живших с ним солдат «против мероприятий Советской власти». В результате он был исключен из Красной армии, а также приговорен к каторжным работам сроком на 5 лет³. 24 ноября 1918 г. судили красноармейца Я. Хохлова, «обвиняемого в дезертирстве из 2-го Запасного батальона (5-й армии – *Е.Н.*), назначенного к отправлению на фронт». Помимо этого, выяснилось, что он вел агитацию и уговорил совершить данный поступок своих товарищей. В результате он был приговорен к расстрелу⁴. На заседании ВРТ 5-й армии от 29 ноября 1918 г. сообщалось о бойцах, которые самовольно покинули свои части «под влиянием ухода своих товарищей, которые уговаривали их к тому». «В виду того, что красноармейцы, ... пробыв дома 3 дня, хотели вернуться обратно, а в совершенном поступке раскаиваются, ВПС 5-й армии постановил означенных красноармейцев отправить на фронт»⁵.

На следующий день, 30 ноября 1918 г. рассматривалось похожее дело о самовольной отлучке 25 красноармейцев-мусульман, которые, «как несознательный элемент», поддались «влиянию

¹ Гражданская война на Урале в документах 3-й армии РККА. С. 218.

² РГВА. Ф. 1. Оп. 1. Д. 451. Л. 5.

³ Там же. Ф. 185. Оп. 3. Д. 1436. Л. 240.

⁴ Там же. Л. 432.

⁵ Там же. Л. 430 об.

преступной агитации, которая велась в части 1 и 2-го Запасного батальона некоторыми их же товарищами». После того как указанные солдаты чистосердечно признались в своем поступке и раскаялись, трибунал постановил «означенных красноармейцев отправить на фронт с предупреждением, что в случае повторения самовольной отлучки они объявляются врагами трудового народа и приговариваются к расстрелу»¹.

Охарактеризованная выше неоднородность частей и подразделений Красной армии на Восточном фронте также приводила к конфликтам между солдатами. Одной из важнейших причин подобных столкновений являлся различный уровень боеспособности красноармейцев, что приводило к взаимным обвинениям в трусости. При этом довольно часто указанные конфликты носили межнациональный характер. Не секрет, что на начальном этапе Гражданской войны нерусские части и подразделения, воевавшие в составе Красной армии, отличались высоким уровнем боеспособности и дисциплины, в отличие от большинства русских формирований. Поэтому неудивительно, что иностранцы часто неодобрительно высказывались о поведении своих товарищей на поле боя. Например, после неудачного наступления Сызранской группы войск 1-й армии на Сызрань 18–20 июня 1918 г. и последующего отхода ее в тыл, командир 4-го латышского полка Я. Азен объяснял итог операции «отсутствием сил и дезорганизацией русских частей»².

В очередной раз аналогичная претензия была предъявлена стрелками после неудачного наступления Инзенской и Пензенской дивизий 1-й армии на Сызрань в начале июля 1918 г. Тогда, согласно телеграмме командующего Восточным фронтом И.И. Вацетиса комиссару Латышской стрелковой дивизии от 22 июля 1918 г., солдаты 4-го латышского полка заявили, что «они одни дрались, а другие бежали»³. Похожий конфликт возник на Сengiлеевском участке фронта Симбирской группы войск 1-й армии в начале июля 1918 г. Действовавший на данном направлении латышский отряд, согласно политической сводке от 3 июля 1918 г., обвинил остальные части «в изменах и трусости» после отступления последних в тыл без боя⁴. Проявления данного конфликта были на-

¹ Там же. Л. 431–431 об.

² Там же. Ф. 1. Оп. 2. Д. 45. Л. 138 – 141.

³ Там же. Ф. 106. Оп. 1. Д. 55. Л. 23.

⁴ Там же. Ф. 157. Оп. 2. Д. 569. Л. 286–287.

столько явными, что перетекли на страницы антибольшевистской прессы. В симбирской газете «Возрождение» приводился следующий эпизод взаимоотношений между 5-м латышским полком и остальными частями в начале августа 1918 г. «Между русскими и латышскими полками раздоры. Под Казанью русские полки отказались наступать, латыши выругали русских и сами также отказались наступать»¹.

Вероятно, подобные казусы случались неоднократно на разных участках фронта, в результате чего иностранцы отказывались принимать участие в боевых действиях без русских сослуживцев, о чем имеется большое количество упоминаний в документах. 14 июня 1918 г. командующий Северо-Урало-Сибирским фронтом Р.И. Берзин в докладе в Высший военный совет следующим образом охарактеризовал обстановку в районе Екатеринбурга: «Настроение интернационалистов, входящих в состав Советских войск таково: что когда русские дерутся, то они тоже бесподобно выполняют все боевые приказы и указания. В том случае, когда русские удирают – то среди них начинается брожение, и они тоже покидают позицию»².

22 июля 1918 г., согласно показаниям члена РВС Восточного фронта Г.И. Благоднарова по делу о падении Симбирска, венгерский отряд также отказался исполнять приказ об отправке в город из Казани, аргументировав это следующим образом: «их слишком мало, что их нужно соединить с мадьярской частью, а так драться они не будут, когда русские драться не собираются»³. Заведующий политотделом 5-й армии И.Д. Чугурин на совещании политработников Восточного фронта, проходившем в Симбирске 21–24 октября 1918 г. также докладывал: «в армии есть китайцы, дерутся хорошо, но если побежит один, то бегут и все, или привстанут в бою и спрашивают: Русь, ты здесь, если увидят, что здесь – успокаиваются»⁴.

Обвинения обратного характера, т.е. со стороны русских в адрес «интернационалистов», также имели место, но представлены не так подробно. Например, в воспоминаниях Ф. Мельнико-

¹ Возрождение. Ежедневная Симбирская газета. 1918 г. 24 августа. № 27.

² РГВА. Ф. 1. Оп. 3. Д. 58. Л. 147 об.

³ Там же. Ф. 106. Оп. 7. Д. 9. Л. 8.

⁴ Там же. Ф. 1. Оп. 1. Д. 451. Л. 9.

ва о боевых действиях 2-й армии под Ижевском в августе 1918 г. приведен следующий эпизод взаимоотношений между московскими продовольственными отрядами и мусульманами из отряда А.М. Чеверева: «Нам говорили, что с этими мусульманами ничего нельзя сделать. При первом же выстреле они все до одного разбегутся. Эти замечания нам казались обидными, т.к. наши мусульмане уже себя показали под Дюртюлями. Дело дошло до того, что если бы тов. Чеверев промедлил в Сарапуле еще несколько дней, у нас могло бы выйти вооруженное столкновение с Московским отрядом, против которого наши мусульмане были очень озлоблены. Мы с ними ничего не могли сделать и они говорили нам, что и мы русские тоже такие, как Московский отряд. Одним словом, у нас возникла национальная вражда». Лишь после прибытия А.М. Чеверева и реорганизационных мер в отношении продовольственных подразделений конфликт удалось уладить¹.

Впоследствии похожие столкновения происходили неоднократно. Например, «смешанный национальный состав» 2-го Мусульманского полка 2-й армии стал, по словам командарма В.И. Шорина, высказанным в телеграмме командующему Восточным фронтом С.С. Каменеву, главкому И.И. Вацетису и Л.Д. Троцкому от 26 ноября 1918 г., одной из причин панического бегства под Ижевском во время наступления на город в начале месяца. В.И. Шорин писал, что данный фактор способствовал «несплочению солдат в одну дружную полковую семью, а вселял рознь и недовольство между татарами и русскими». В итоге командарм предложил сформировать 2-й Мусульманский полк².

Подобные конфликты происходили не только на национальной почве. Например, член Высшей военной инспекции В.А. Фейерабенд в докладе о положении на Северо-Урало-Сибирском фронте от 14 июня 1918 г. писал, что отряды рабочих были сильно озлоблены на красноармейские части, которые отступили с позиций около Куштинского завода, в то время как пролетарские подразделения «действительно показали свою энергию и отвагу, нанося

¹ Мельников Ф. Отряд Чеверева // Былое Урала: [статьи, воспоминания и др. материалы по истории революционного движения]. Уфа: Истпарт Башобкома РКП, 1924. № 4. С. 126. Данный конфликт впоследствии был пересказан в другой работе о А.М. Чевереве. См.: Кучкин А.П. Чеверев: [жизнь и боевые подвиги красного командира]. М., [1929]. С. 117.

² РГВА. Ф. 106. Оп. 3. Д. 51. Л. 256.

большой урон чехословакам во время их последнего наступления»¹. Указанное недовольство было неслучайным, так как многие рабочие впервые взяли в руки винтовки и, несмотря на это, действовали слаженно, в то время как солдаты должны были иметь боевую выучку для оказания сопротивления противнику.

Обвинения в некомпетентности и даже насмешки звучали со стороны пехотинцев в адрес артиллеристов и технических войск. Например, в докладе о положении на сызранском участке 1-й армии Восточного фронта от 29 июня 1918 г. К.Х. Данишевский писал: «Противник стреляет идеально хорошо, великолепно. Наши артиллеристы по отзыву солдат и командного состава никуда не годятся: снаряды падают по собственной линии, нет полевых телефонистов и опытных наблюдателей. Бронированные поезда хороши, но руководители, например, на поезде имени тов. Ленина без инициативы, трусы и пользуются каждым удобным и неудобным случаем, чтобы отъехать в тыл на вечный ремонт. Считают они себя вполне самостоятельными начальниками, не подчиняются общему высшему командованию, даже присваивают его автомобили и обращаются не в порядке подчиненности, а непосредственно к главному штабу. Все это разлагающе действует на все части, которые с иронией и злостью говорят о тыловых и вечно ремонтирующихся броневиках»².

Однако приблизительно в это же время, т.е. в 20-х числах июня 1918 г., главком М.А. Муравьев высказывал прямо противоположное суждение об указанных войсках. В телеграмме заведующему оперативным отделом Наркомвоена С.И. Аралову он писал, что Красная армия в целом представляет собой «толпу дармоедов и хулиганов, исключение составляют только технические части и артиллерия»³.

Взаимные нападки пехотинцев и артиллеристов продолжились и позднее. В приказе № 22 от 31 июля 1918 г. командующий Восточным фронтом И.И. Вацетис писал, что в последних боях по вине солдатской массы было потеряно много орудий, снарядов и других военных материалов: «Артиллеристы обвиняют пехоту в том, что она рано очистила окопы и отступила и потому не прекращавшие до последнего момента огонь, они, артиллеристы, не

¹ Там же. Ф. 1. Оп. 3. Д. 58. Л. 150 об.

² Там же. Оп. 2. Д. 45. Л. 138.

³ Там же. Ф. 106. Оп. 7. Д. 25. Л. 98.

успели вывезти орудия. Пехота же говорит, что артиллерия рано замолчала, не оказала необходимой своевременной поддержки пехоте, почему и отступила пехота. Такого рода взаимные обвинения показывают, что виноваты обе стороны; поэтому и артиллерия и пехота должны нести одинаковую ответственность за потерю орудий в бою».

С целью сплочения пехотинцев и артиллеристов И.И. Вацетис приказал «немедленно распределить легкую артиллерию по полкам», чтобы части вместе с орудиями составляли одну неделимую тактическую единицу¹. О результативности указанной меры командующий Восточным фронтом сообщал 4 августа 1918 г. в докладной записке в Высший военный совет: «В армиях Восточного фронта я приказал распределить все батареи по полкам. Последние бои дают желательный результат. Есть случаи, что вывозили из боя даже испорченные орудия. Перестали бросать зря снаряды»².

Довольно напряженные отношения между разными группами солдат происходили во время отправки частей на фронт, когда некоторые бойцы отказывались участвовать в боевых действиях, приводя необычные аргументы в пользу того, чтобы самим остаться в тылу, а другим формированиям отправиться на передовую вместо них. Например, в цитированной выше заметке из газеты «Возрождение» о положении под Казанью в начале августа 1918 г. отмечалось, что «один матрос выругал Троцкого площадной бранью за то, что он призвал их к стойкой борьбе, а не красноармейскую сволочь»³. Видимо, по мнению храбрых моряков, они заслужили своей предшествующей деятельностью почетный отдых, в то время как рядовые солдаты должны были защищать советскую власть.

Похожий случай произошел в 3-й армии. Согласно политической сводке от 12 сентября 1918 г., «при отправлении из Кунгура 5 роты на фронт красноармейцы выражали недовольство тем, что отправляют именно их, а не отряды коммунистов. Их успокоили, было дано исчерпывающее объяснение...»⁴. Очевидно, что в пред-

¹ Гражданская война. Ежедневная Армейская и Рабоче-Крестьянская газета. 1918 г. 3 августа (21 июля). № 16.

² Главнокомандующий всеми вооруженными силами республики И.И. Вацетис. Сборник документов. Рига, 1978. С. 58.

³ Возрождение. Ежедневная Симбирская газета. 1918 г. 24 августа. № 27.

⁴ РГВА. Ф. 1. Оп. 2. Д. 218. Л. 320.

ставлении рядовой солдатской массы первыми за молодое социалистическое государство должны бороться, прежде всего, члены правящей партии, а не рядовые бойцы.

Усталость от боевых действий также являлась важным фактором возникновения раскола в воинских частях. Не случайно красноармейцы без каких-либо возражений слушались своих товарищей, которые успешно подговаривали их отступить в тыл, сбежать из воинской части или перейти на сторону противника. Однако зачастую они сталкивались с более сознательной группой солдат, которая настаивала на продолжении участия в сражениях с противником. Согласно политической сводке по 3-й армии от 21 сентября 1918 г. на этой почве в некоторых полках объединения произошло «раздвоение». Из-за прибытия в расположение армии вышедших из окружения отрядов В.К. Блюхера одна часть находившейся по соседству дивизии сильно обрадовалась этому событию, рассчитывая на отдых, ввиду появления якобы свежих воинских формирований, которые и пойдут в наступление на противника. Однако другая часть соединения, как сообщалось в документе, «стыдится своего малодушия, плюет на трусов и хочет идти совместно с отрядами т. Блюхера в наступление»¹.

Похожая ситуация произошла на Егоршинском направлении 3-й армии, о чем рассказывалось в сводке от 24 сентября 1918 г. Комиссары сообщали: «Настроение частей, состоящих из крестьян, очень скверное, удрученное. Контрреволюционный элемент не глохнет и заражает своей агитацией ненадежные части Красной армии, вследствие чего в этих частях замечается теперь резкое раздвоение – одна за отдых, другая за наступление»².

Разный уровень обеспечения войск всем необходимым для ведения боевых действий также являлся своеобразным камнем преткновения между красноармейцами. Например, имели место разногласия между фронтовиками и тыловиками. В политической сводке от 26 сентября 1918 г. по 3-й армии обращалось внимание на жалобы солдат 2-го Красноуфимского полка, стоящего на позициях, «что у них ничего нет, тогда как резерв полка имеет махорку и даже папиросы и т.д.»³ А.П. Кучкин в воспоминаниях о А. Чеверёве приводил интересный эпизод встречи его солдат с бойцами от-

¹ Гражданская война на Урале в документах 3-й армии РККА. С. 103.

² РГВА. Ф. 33987. Оп. 2. Д. 7. Л. 163.

³ Гражданская война на Урале в документах 3-й армии РККА. С. 111.

ряда В.М. Азина во 2-й армии осенью 1918 г.: «Из вагонов выпрыгивали одетые по форме красноармейцы. Они резко отличались от чеверевцев. Чеверевцы перед азинцами были какие-то бродяжки, голодранцы, одетые кто во что горазд. На их одежде – заплатка на заплатке. На ногах – что чорт послал. На азинцах же чистенькое, новенькое обмундирование и обувь.

– Вишь, как их обмундировали. Видно – маменькины сынки. А мы – пасынки, – с завистью говорили чеверевцы». Однако встречались и позитивные отклики:

«– Теперь и нас так же обмундируют, – будь спокоен.

– Дождались и мы, наконец, подмоги. Дело пойдет. Не тужи, робя, все будет и у нас». В итоге солдаты нашли между собой общий язык¹.

Несмотря на то, что взаимоотношения подобного плана, как правило, происходили на словесном уровне, в некоторых случаях солдаты прибегали к активным действиям или брались за винтовки. Нередко солдаты, вероятно по собственной инициативе, применяли оружие для оказания воздействия на своих трусливых товарищей. Например, в телеграмме начальника штаба снабжения войск 1-й армии Д.И. Архангельского Л.Д. Троцкому от 13 июля 1918 г., где сообщалось о неудачном завершении наступления Инзенской и Пензенской дивизий на Сызрань, приводились следующие сведения: «В Сызрани произошло вот что: вступившие отряды, особенно некоторые из красногвардейцев, вели себя недостаточно прилично. Этим воспользовались белогвардейцы и ударили на наших, чтобы остановить бегущих, стреляли в своих, произошло, таким образом, замешательство, это окончательно заставило покинуть [город]»².

Согласно политической сводке по 3-й армии от 10 октября 1918 г., действовавший на Кунгурском направлении Пермский полк, укомплектованный, кстати, мобилизованными крестьянами, «пытался перейти на сторону врага и сдаться в плен. За эту попытку измены солдаты т. Блюхера обстреляли полк пулеметным огнем и из орудий. Часть его разбежалась и перешла к врагу, часть уничтожена. Осталось всего 100 человек, но вполне надежных. Офицерский состав полка, исключая его командира, весь перешел к врагу. Военком полка, вероятно, погиб. Причина измены – неу-

¹ Кучкин А.П. Указ. соч. С. 150 – 151.

² РГВА. Ф. 1. Оп. 2. Д. 44. Л. 96.

стойчивое настроение малосознательных крестьян, составляющих полк, удачно использованное белогвардейскими элементами, руководимыми составом полка из бывших офицеров»¹.

В политической сводке по 3-й армии от 3 декабря 1918 г. также сообщалось, что на Кунгурско-Красноуфимском направлении в одном из полков «был случай отказа выступить на позиции, зачинщики пытались не пропустить верных долгу красноармейцев, пятеро из них арестовано, остальные выясняются»². Вероятно, именно об этой части в сводке от 9 декабря 1918 г. сообщалась дополнительная информация: «КУНГУРСКОЕ направление. N* полк является одним из худших и представляет из себя рыхлую смесь добровольцев и мобилизованных, среди последних много, несомненно, темного дезорганизаторского элемента, ведущего разрушительную работу, особенно в момент выступления: они нейдут, останавливают других, устраивают панику. Много в полку плохо обученных красногвардейцев, дисциплина потому тоже невысока»³.

И вновь в качестве несознательного элемента выступали призванные крестьяне. В политической сводке по Пензенской дивизии 1-й армии от 23 декабря 1918 г. также сообщалось: «В некоторых полках был открыт огонь по едущим на фронт. Вторая бригада двинулась целиком на фронт. Часть Петроградского полка, оставшись в Шахове, пыталась остановить Смоленский полк, агитируя против выступления на позиции. Однако Смоленский полк выступил. Во главе части солдат Якунин, выдающийся наиболее контрреволюционным взглядом. Политком бригады товарищ Сидоров, пытавшийся уговорить несознательных красноармейцев, был обстрелян. Принимаются решительные меры»⁴.

Военное руководство прекрасно осознавало неблагоприятное влияние недисциплинированных и деморализованных солдат на своих сослуживцев, а также наличие подобных расколов между воинскими частями. Поэтому на протяжении второй половины 1918 г. командование всех звеньев организационной структуры Красной армии (центр – фронт – армия – дивизия – полк) публиковало приказы о так называемой фильтрации, или чистке воинских формирований от указанного элемента, состав которого лучше

¹ Гражданская война на Урале в документах 3-й армии РККА. С. 133.

² РГВА. Ф. 106. Оп. 2. Д. 23. Л. 119–119 а.

³ Гражданская война на Урале в документах 3-й армии РККА. С. 228.

⁴ РГВА. Ф. 106. Оп. 2. Д. 24. Л. 76–77.

всего описал неоднократно цитировавшийся выше К.Х. Данишевский в докладе от 29 июня 1918 г. – труссы, дезорганизаторы, ослушники, грабители, пьяницы¹. Все предшествующие и последующие документы, как правило, содержат похожие формулировки.

Существовало несколько способов проведения фильтрации. Традиционно под этим термином понималось простое, зачастую добровольное, удаление перечисленных выше солдат из воинского формирования. Например, в конце августа 1918 г. для батальона В.М. Азина 2-й армии прибыли пополнения в лице Бирского и Сарапульского отрядов. Один из участников событий приводил следующий эпизод первой встречи командира подразделения с новобранцами:

«Кто желает воевать с чехословаками и белыми дальше – становись направо! – раздалась его команда.

Многие удивленно переглянулись: встреча получалась странной. Но большинство сразу перешло направо. Под конец на месте осталось человек 15–20. Командир обратился к ним:

Воевать вы не хотите, поэтому сдайте оружие и можете отправляться домой. Счастливого вам пути².

Довольно часто фильтрация сопровождалась другими организационными мероприятиями. Например, командующий Северо-Урало-Сибирским фронтом Р.И. Берзин вспоминал, что строгая чистка Пермского отряда, помимо собственно отчисления неугодных красноармейцев, заключалась в следующем: «были влиты боевики, сменены начальники и, благодаря этому, дух его значительно поднялся»³. Фильтрацию отступившего в тыл Западного Чехословацкого фронта Казанского отряда, согласно телеграмме председателя Высшей военной инспекции Н.И. Подвойского от 11 июня 1918 г., предполагалось сопровождать разбивкой подразделения на роты и батальоны, а также введением внутреннего военного режима и обязательного обучения⁴. Аналогичным образом в конце июля 1918 г. происходила чистка Украина-Белорусского полка Инзенской дивизии 1-й армии, чему был посвящен отдельный документ, который необходимо привести полностью. В при-

¹ Там же. Ф. 1. Оп. 2. Д. 45. Л. 138–141.

² Владимир Азин. [1895-1920]: [Очерк о командире 28-й стрелковой дивизии]. Ижевск, 1958. С. 15–16.

³ Берзин Р.И. Строительство Красной армии на Урале // Рабочая революция на Урале: Эпизоды и факты. Екатеринбург, 1921. С. 108.

⁴ РГВА. Ф. 1. Оп. 4. Д. 41. Л. 223.

казании по соединению № 3 от 28 июля 1918 г. сообщалось: «Приказываю временно командующему 1-м Украинно-Белорусским полком представить к 20-ти часам сего числа списки на всех солдат полка, которые пожелают подчиняться требованиям революционной дисциплины и своими поступками и речами подрывают основу ее в полку. Остальных людей полка немедленно перевезти на разъезд Должниково, где временно командующему полком тотчас же по прибытии приступить к формированию рот и команд, кладя в основу сего формирования разумные начала подчиненности с соблюдением революционной дисциплины. Временно командующему полком сегодня же выяснить количество недостающих ему лиц командного состава и срочно мне донести.

По производстве формирования срочно заняться созданием организаций, контролирующих внутреннюю жизнь в полку и являющихся нравственным оплотом части.

В случае если встретится надобность, то производить занятия по усмотрению временно командующего полка.

Все, осмелившиеся **ОСЛУШАТЬСЯ** сего приказа будут мною преданы суду ВРТ, как изменники народу и Советской **РЕСПУБЛИКЕ**.

Временно командующему полком всех подобного рода лиц немедленно **АРЕСТОВЫВАТЬ** и предавать с препроводительным протоколом в **ПОЛЕВОЙ ШТАБ 1-й армии**»¹.

Помимо удаления из Красной армии некоторые комиссары и представители командного состава предлагали также наказывать указанных солдат. Об этом, например, писал в докладе К.Х. Данишевский². Казанский губвоенком в приказе № 74 от 10 июля 1918 г., где сообщалось об исключении из вооруженных сил «негодного элемента», потребовал публикации фамилий данных красноармейцев в газетах, видимо с целью избегания их повторной записи в части и подразделения³. Аналогичные списки помещались и в других периодических изданиях⁴.

¹ Там же. Ф. 157. Оп. 3. Д. 50. Л. 30.

² Там же. Ф. 1. Оп. 2. Д. 45. Л. 138–141.

³ Первый год пролетарской диктатуры в Татарии. Сборник документов и материалов по истории парторганизации и гражданской войны в 1918 г. Казань, 1933. С. 337.

⁴ Известия Саратовского совета рабочих, крестьянских, красноармейских и казачьих депутатов и районного исполнительного комитета. 1918 г. 5 июля. № 132.

Однако в некоторых случаях командование или комиссары допускали возможность перевоспитания непутевых красноармейцев. Вероятно, это было обусловлено тем, что во многих частях количество недисциплинированных солдат было достаточно большим. Исключать подобную массу бойцов из армии было бы нелогично. Хотя подобные случаи на первых порах происходили. Например, в 20-х числах июня 1918 г. командующий Восточным фронтом М.А. Муравьев в докладе заведующему оперативным отделом Наркомвоена С.И. Аралову писал, что «здоровая часть Смоленского полка – около 200 человек»¹. Однако по состоянию на 11 июня 1918 г. численность личного состава полка составляла 813 штыков². Даже с учетом вероятных потерь в виде дезертиров, убитых, раненых и т.д., 200 человек из 800 – это крайне незначительная часть. Поэтому неудивительно, что руководство отказывалось от поголовной фильтрации. Например, политический комиссар 1-й армии О.Ю. Калнин вспоминал, что в августе 1918 г. «отряды, которые были настроены анархически, мы выделили, разбивали на части и расформировывали по другим частям, более или менее настроенным в защиту рабоче-крестьянской России...»³. Аналогичным образом поступали и в других армейских объединениях. Так, в политической сводке по 5-й армии от 19 августа 1918 г. сообщалось, что среди солдат 1-го и 3-го батальонов Брянского полка были распространены грабежи и карточная игра. «То и другое устраняется разъяснениями, усвоениями (так в документе – *Е.Н.*) сознательными товарищами и энергичными действиями командного состава, который наполовину состоит из коммунистов»⁴.

В 1-й армии, согласно репортажу сотрудника газеты «Известия ВЦИК», «сами красноармейцы взяли в узду железной дисциплины своих наиболее испорченных товарищей, или даже вовсе выбросили их из своих рядов»⁵. В политической сводке по 4-й армии от 13 сентября 1918 г. также сообщалось, что прибывшие в Николаевскую дивизию из Саратова пополнения «представляют из себя пьяную банду, могущую быть разлагающим примером [для] хоро-

¹ РГВА. Ф. 1. Оп. 3. Д. 58. Л. 17–18 об.

² Там же. Ф. 151. Оп. 1. Д. 1. Л. 11.

³ *Калнин О.Ю.* Борьба на Восточном фронте // Годовщина Первой революционной армии. М., 1920. С. 72.

⁴ РГВА. Ф. 33987. Оп. 2. Д. 7. Л. 38–39.

⁵ Известия ВЦИК. 1918 г. 31 августа. № 187 (451).

ших частей своими позорными действиями как то картежная игра, мародерство и пр.» Поэтому было принято решение указанные подразделения «расформировать и влить в дисциплинированные части и с хулиганами, мародерами, идущими в разрез революционной дисциплины принимать решительные меры и бороться беспощадно»¹.

Результативность подобных мероприятий была достаточно высокой. Например, в телеграмме командующего Западным Чехословацким фронтом А.Ф. Мясникова С.И. Аралову и Л.Д. Троцкому от 12 июня 1918 г. сообщалось: «Настроение войск после самовольного ухода разложившихся частей и их руководителей Попова и Салонина крепнет»². В разговоре с Н.И. Подвойским от 19 июня 1918 г. председатель Самарского ревкома В.В. Куйбышев следующим образом докладывал о Казанском отряде, который отступил в Казань с Сызранского участка Западного Чехословацкого фронта. Он говорил, что отряд «разделился на две части: первая, которая явилась и участвовала в аресте штаба Фролова, отвратительно себя вела и теперь разбежалась, а оставшийся казанский отряд путем агитационных мер удалось наладить и вызвать в нем энтузиазм и реши[мость] действовать»³.

Фильтрация М.А. Муравьевым в 20-х числах июня 1918 г. некоторых частей, отступивших из Сызрани в Пензу, в частности упомянутого выше Смоленского полка, также позволила ему отправить их обратно на фронт⁴. Выступление на боевые позиции 4-го латышского полка, о поведении которого 20–22 июля 1918 г. говорилось ранее, также произошло лишь после указанных мероприятий, о чем свидетельствует доклад И.И. Вацетиса в Высший военный совет и Наркомвоен от 25 июля 1918 г. В нем сообщалось, что полк отправился на фронт только после проведенной в нем чистки от «негодного элемента»⁵, на которой ранее настаивали Л.Д. Троцкий⁶, а также сам И.И. Вацетис в телеграмме от 22 июля

¹ РГВА. Ф. 1. Оп. 2. Д. 218. Л. 318.

² РГВА. Ф. 106. Оп. 7. Д. 4. Л. 38.

³ Чешско-Словацкий (Чехословацкий) корпус. 1914–1920. Документы и материалы: в 2 томах. М., 2018. Т. 2. С. 272.

⁴ РГВА. Ф. 106. Оп. 7. Д. 25. Л. 94.

⁵ Директивы командования фронтов Красной Армии (1917–1922): в 4 т. М., 1971. Т. 1. С. 406.

⁶ РГВА. Ф. 1. Оп. 3. Д. 42. Л. 202–202 об.

1918 г., направленной комиссару Латышской дивизии¹. В донесении командующего правой группой войск 2-й армии В.М. Азина от 2 сентября 1918 г. о фильтрации войск также сообщалось: «Отряды реорганизованные подают хорошую надежду»².

Серьезную поддержку армейскому командованию оказывала солдатская масса, сознательная часть которой, согласно формуле торжественного обещания воинов РККА, принятой 22 апреля 1918 г., должна была бороться с «негодными» элементами. В документе помимо прочего говорилось: «Я обязуюсь воздерживаться сам и удерживать товарищей от всяких поступков, порочащих и унижающих достоинство гражданина Советской Республики, и все свои действия и мысли направлять к великой цели освобождения всех трудящихся»³.

Очевидно, что рядовым красноармейцам было намного проще выявлять подобных сослуживцев, относительно которых принимались решения об их удалении из воинских формирований. Например, 11 июня 1918 г. собрание гарнизона г. Казани постановило переформировать сбежавший с фронта отряд и снова добровольно отправиться на передовые позиции: «Кто не пожелает поехать вместе с товарищами выручать свободу, тому нет места в рядах 2 отряда 1 добровольческого полка»⁴. В цитированном выше докладе В.А. Фейерабенда о положении на Северо-Урало-Сибирском фронте от 14 июня 1918 г. сообщалось, что часть 7-го Приуральского полка была «сильно возмущена» поведением своих сослуживцев, которые потребовали отправки в тыл. В результате они приняли решение об удалении «этой сволочи из состава 7-го Приуральского полка, как дезорганизаторов и предателей священного дела революции и после этого беспрекословно отправились на фронт в сторожевое охранение»⁵.

Войска 3-й армии, действовавшие на Осинском направлении, согласно сводке от 30 октября 1918 г., также решили расформировать одну из рот, состоящую из мобилизованных, которая просилась на отдых, вызвав возмущение красноармейцев⁶. Аналогичные

¹ Там же. Ф. 106. Оп. 1. Д. 55. Л. 23.

² 2 армия в боях за освобождение Прикамья и Приуралья. 1918–1919. Документы. Устинов, 1987. С. 50.

³ Декреты Советской власти: в 18 т. М., 1959. Т. 2. С. 157.

⁴ Первый год пролетарской диктатуры в Татарии. С. 340–341.

⁵ РГВА. Ф. 1. Оп. 3. Д. 58. Л. 150.

⁶ Гражданская война на Урале в документах 3-й армии РККА. С. 174.

постановления принимались солдатами Николаевской дивизии 4-й армии 5 ноября 1918 г.¹

Большое распространение среди солдат получили общие собрания частей и подразделений, а также выборные товарищеские суды, на которых рассматривались дела о грабежах, пьянстве и мародерстве. Например, на общем заседании представителей Сызранской группы войск Западного Чехословацкого фронта от 10 июня 1918 г. было принято следующее решение по отношению к солдатам, которые «не почтительно относятся к населению, производят выстрелы из винтовок и револьверов»: «Самочинные реквизиции, обыски и грабежи прекратить и за все взятые продукты жителям уплачивать, сколько таковые стоят»².

Очевидно, что для деморализованной массы подобные призывы абсолютно ничего не стоили, поэтому красноармейцы в подавляющем большинстве случаев действовали более решительно. Первое, за что солдаты наказывали своих сослуживцев, являлось пьянство, которое вкупе с другими деяниями, например, избивание людей и угрозы, каралось расстрелом. Именно такой приговор был вынесен постановлением товарищеского суда одной из частей Северо-Урало-Сибирского фронта в конце июня 1918 г.³ Аналогичная мера довольно часто применялась к грабителям. Согласно воспоминаниям врача Сенгилеевского сводного отряда Симбирской группы войск 1-й армии Д. Самарского, в конце июня 1918 г. за грабежи жителей села Новодевичье солдатами Казанского отряда моряков один из зачинщиков был расстрелян на месте «испытанными партизанами», а остальные под конвоем были направлены в штаб.

Показателен и другой случай, который произошел приблизительно в это же время: «у одного восьмидесятилетнего бедняка были отобраны последние сбережения: 30 руб. медяками и серебром, при этом ему были нанесены побои. Узнав об этом случае, н-к отряда не только вернул ему его деньги, но и вознаградил его 100 рублями. Седой, как лунь, дряхлый крестьянин со слезами благодарил. Грабитель был выведен в деревню и расстрелян при всех»⁴.

¹ Легендарный начдив: Сборник документов. Чебоксары, 1986. С. 105.

² РГВА. Ф. 151. Оп. 1. Д. 1. Л. 16.

³ Там же. Ф. 1. Оп. 2. Д. 45. Л. 20.

⁴ *Самарский Д.* Партизаны Волги // Годовщина Первой революционной армии. М., 1920. С. 118.

23 июля 1918 г. приказами Народного комиссариата по военным делам фронтовые полковые (отрядные) местные суды и ротные товарищеские суды приобрели официальный статус, а также получили разработанные положения. Например, фронтовые полковые (отрядные) местные суды должны были решать «все уголовные дела, по которым обвиняемому угрожает наказание не свыше 5 лет лишения свободы». Более подробно регламентировалась деятельность ротных товарищеских судов. В соответствующем положении сообщалось: «Незначительные проступки против воинского порядка, воинского долга и товарищества рассматриваются ротными товарищескими судами», ведению которых подлежали дела о неисполнении приказаний командиров, о проматывании и умышленной порче военного имущества, об оскорблении товарищей, о пьянстве, азартных играх, «предосудительном поведении», опоздании из отпуска, самовольных отлучках и других «маловажных проступках».

Предполагались следующие наказания – выговор, лишение отпуска на срок не меньше месяца, денежное взыскание не свыше 300 рублей, присуждение к обязательным работам в части вне очереди или к несению нарядов вне очереди не свыше 15 суток. Дела, выходящие за пределы компетенций ротных товарищеских судов, передавались либо в полковые (отрядные) суды, либо в военно-революционные трибуналы¹. Таким образом, выборные солдатские судебные органы не имели права выносить смертные приговоры, а также приводить их в исполнение.

Однако, согласно многочисленным свидетельствам мемуарного характера, бойцы продолжали достаточно жестко расправляться с преступниками, как в рамках работы товарищеских судов, так и вне их. Например, в августе 1918 г. во время рейда по тылам противника партизанской армии под руководством братьев Кашириных и В.К. Блюхера несколько красногвардейцев разорили колоды с пчелами, за что по решению товарищеского суда они были расстреляны². После захвата Симбирска 12 сентября 1918 г. Симбирской дивизией 1-й армии «сами товарищи красноармейцы жестоко расправлялись с теми, кто грабежом и насилием позорил

¹ Собрание узаконений и распоряжений Правительства. 1917–1918. М., 1942. С. 736–739.

² *Халидов М.* Воспоминания партизана // За советы: (Странички из гражд. войны в Башкирии). Уфа, 1936. С. 50.

честь Красной Армии»¹. Аналогичные случаи происходили зимой 1918 г., на что имеются указания в источниках².

Тем не менее, июльская регламентация работы товарищеских судов постепенно приносила свои плоды, о чем свидетельствуют многочисленные политические сводки по Восточному фронту, составленные осенью – зимой 1918 г. о создании данных органов и их работе³. В декабре 1918 г. в одном из номеров ежедневной военной газеты «Красная армия» было приведено постановление красноармейцев 6-й роты Красноуфимского полка 3-й армии, в котором приводился список возможных преступлений и наказаний для солдат, привлекаемых к товарищескому суду: «2) Замеченный в азартных играх в первый раз получает строгий выговор, второй раз половина денег отбирается и в третий раз – отбираются все деньги.

Примечание. Отобранные деньги поступают на устройство библиотеки.

3) За каждый бесцельный выстрел, а также за потерю патронов красноармеец платит 5 рублей – в пользу литературы полкового комитета РКП. К этому постановлению присоединилась фракция коммунистов»⁴.

Не менее важную роль продолжали играть общие собрания частей и подразделений, на которых также зачастую выносились постановления об ужесточении дисциплины. В политической сводке по 3-й армии от 10 ноября 1918 г. сообщалось о положении в войсках, действующих на Красноуфимском направлении: «Дисциплина среди красноармейцев заметно крепнет, азартные игры, пьянство и мародерство прекращаются. В N полку эскадронное собрание вынесло постановление об удалении из полка всех женщин и строгой дисциплине. Во многих частях красноармейцы карают сами штрафом в пользу ротных библиотек за пьянство и напрасную трату патронов»⁵.

¹ Боевой путь первой революционной армии Восточного и Туркестанского фронтов. Июнь 1918 – Февраль 1921 гг.: Сборник документов и материалов. Ашхабад, 1972. С. 79.

² *Кирюхин Н.И.* Из дневника военного комиссара. Гражданская война 1918–1919 гг. М., 1928. С. 30 – 31.

³ РГВА. Ф. 1. Оп. 2. Д. 218. Л. 34; Там же. Ф. 106. Оп. 2. Д. 25. Л. 37–37 об.; Там же. Ф. 33987. Оп. 2. Д. 6. Л. 39 – 40, 54, 76 – 78; Там же. Оп. 3. Д. 8. Л. 50. и т.д.

⁴ Красная армия. Ежедневная военная газета. 1918 г. 5 декабря. № 80.

⁵ Гражданская война на Урале в документах 3-й армии РККА. С. 182.

По словам современников и исследователей, подобные показательные разборательства носили воспитательный характер. Например, цитированный выше Д. Самарский писал о Сенгилеевском сводном отряде Симбирской группы войск 1-й армии: «Т. Гая (имеется в виду командир подразделения Г.Д. Гай – *Е.Н.*) и его штаб начали беспощадную борьбу с грабителями и с падением дисциплины, в чем им деятельно помогали сознательные товарищи. Постепенно удалось наладить революционный порядок и внушить партизанам, что для блага дела, которому они служат, необходимо добровольное и неуклонное подчинение приказам начальников, а также доброжелательное отношение к населению, которое не должно видеть в красногвардейцах свирепых разбойников и грабителей, а своих защитников и братьев. Сознательным товарищам это внушать было излишне – малосознательные убедились, что в случае бесчинств с ними шутить не будут»¹.

Историк И.Ф. Плотников, который занимался изучением Уральской партизанской армии В.К. Блюхера, сообщал: «Например, в Белорецком полку проступки бойцов выносились на обсуждение общих собраний личного состава. Оценка действий того или иного нарушителя, данная своими товарищами в присутствии сотен людей, была необычайно действенной. Она заставляла бойца, нарушавшего революционную дисциплину, посмотреть на свое поведение взглядом своих товарищей, понять, что он позорит не только себя, но и огромную массу честных людей, всю партизанскую армию»².

Солдатская масса довольно часто очень ревностно относилась к существованию других судебных органов, в частности ВРТ. Поэтому в некоторых случаях красноармейцы настаивали на том, чтобы дела, которые рассматривались трибуналами, поступали в товарищеские суды или просто требовали провинившихся бойцов для самостоятельной расправы. Политический комиссар 1-й армии О.Ю. Калнин вспоминал, что в августе 1918 г. членам ВРТ приходилось выслушивать упреки от сознательных солдат: «Были моменты, когда от нас, политических сотрудников, при помощи угроз пытались требовать выдачу грабителей и пьяниц ...»³.

¹ Самарский Д. Указ. соч. С. 118–119.

² Плотников И.Ф. Героическая эпопея Уральской партизанской армии Блюхера. Уфа, 1986. С. 239.

³ Калнин О.Ю. Указ. соч. С. 74.

Подобный случай привел в своем дневнике комиссар 1-го Симбирского полка Симбирской дивизии 1-й армии Н.И. Кирюхин. 7 ноября 1918 г. в с. Троицком красноармейцами 1-го батальона Нигаматуллиным и Симоновым был ограблен кооператив союза инвалидов. В результате оба были приговорены к расстрелу. Однако, спустя несколько дней, 10 ноября 1918 г., к комиссарам прибыла делегация солдат роты, которая «просила отпустить на поруки Симонова, который до сего не был ни в чем замечен, и которого они вызывались сами проучить» путем порки. Примечательно, что главного обвиняемого Нигаматуллина красноармейцы роты также вызывались расстрелять самостоятельно¹.

Армейское командование прекрасно понимало позитивный потенциал фильтрационной способности солдатской массы, поэтому всячески его использовало. Например, командующий Северо-Урало-Сибирский фронтом Р.И. Берзин в приказе от 27 июня 1918 г. писал: «Приветствуем те красноармейские части, которые сами через организованные товарищеские суды устраняют из своей среды негодяев, недостойных высокого звания солдата Рабоче-Крестьянской Красной армии, сами восстанавливают железную сознательную дисциплину»². Проведение чистки в Верхнеуральском отряде И.Д. Каширина согласно приказу от 11 августа 1918 г. также необходимо было проводить «при помощи самих же товарищей красноармейцев, дабы совершенно неспособные к строю, малодушные и небрежно относящиеся к делу не позорили полка, батареи»³. В политической сводке по 3-й армии от 27 сентября 1918 г., где комиссары выказывали озабоченность крайне неблагоприятным положением в войсках, где было сосредоточено большое количество подобных элементов, негативным образом влиявших на остальных солдат, предлагался следующий способ решения данной проблемы: «Крайне необходимо, поэтому, иметь в каждой роте среди красноармейцев ответственных товарищей хотя бы одного или двух, чтобы те указывали на такие неподходящие элементы для их негласного удаления потом из части»⁴.

¹ Кирюхин Н.И. Указ. соч. С. 23–24.

² РГВА. Ф. 1. Оп. 2. Д. 45. Л. 20.

³ Гражданская война на Южном Урале. 1918–1919: Сборник документов и материалов. Челябинск, 1962. С. 130.

⁴ Гражданская война на Урале в документах 3-й армии РККА. С. 113–114.

Инструкция о том, как действовать солдатам в подобных случаях, была опубликована в газете «Голос бедноты», официальном органе политического отдела штаба особых отрядов 3-й армии. В документе сообщалось о том, что «международные враги революции» пытаются разложить Красную армию путем подкупа некоторых лиц. Для борьбы с данными личностями необходимо было выполнять следующие действия: «Каждый товарищ в своих рядах должен наблюдать за теми товарищами, которые нарушают долг красного солдата, каждый сознательный товарищ должен рассказать несознательному цель его назначения и напомнить о товарищеской дисциплине»¹.

Отметим, что солдатская масса тщательно следовала подобной инструкции. Например, в политической сводке по 5-й армии от 14 сентября 1918 г. сообщалось, что на общем собрании красноармейцев 1-й роты Владимирского полка Правобережной группы была принята резолюция, «клеящая позором тех лиц, которые занимались грабежом при занятии набережных Моркваш Салаты. Требуют самых суровых мер по отношению к грабителям»². Несмотря на то, что подобный случай крайне напоминал работу товарищеского суда, таковым он не являлся, так как для наказания виновных солдаты апеллировали к вышестоящей инстанции.

Однако далеко не всегда и не везде армейское командование и солдатская масса столь успешно боролись с грабителями, мародерами, пьяницами и дезертирами. В некоторых случаях перечисленные группы красноармейцев довольно безразлично реагировали на проведение фильтрации. Например, в разговоре начальника штаба Западного Чехословацкого фронта И.А. Войтыны и командира Сызранской группы войск А. Маршина от 8 июня 1918 г. последний сообщал, что «весь вредный элемент совершенно и безболезненно из-за Волги удален. Большинство не проявляло никакого сопротивления. Целиком остались отряды Попова, латышский полк и отряды Пятницкого. Эксцессов никаких не было ...»³.

Тем не менее, довольно часто солдаты попросту не имели возможности реализовать указанные меры. Достаточно привести ха-

¹ Голос бедноты. Орган Политического отдела штаба особ. отряда № армии и Осинского Уездного Исполкома Советов крестьянских, рабочих и армейских депутатов. 1918 г. 7 ноября. № 6.

² РГВА. Ф. 1. Оп. 2. Д. 218. Л. 202.

³ Там же. Ф. 106. Оп. 7. Д. 54. Л. 20–20 об.

рактику обстановки в таких формированиях, чтобы понять сложившуюся ситуацию. Например, О.Ю. Калнин, анализируя части и подразделения 1-й армии летом 1918 г., писал: «За глазами командира отряда и его помощников делалось все – как разгул, пьянство, грабеж, бегство во время боя. Сознательные красноармейцы в таких отрядах были мучениками. Даже в отрядах, в которых были организованы ячейки коммунистов, стояло дело не лучше»¹.

Аналогичным образом Д. Самарский характеризовал Казанский отряд моряков, действующий на Сенгилеевском участке фронта 1-й армии летом 1918 г.: «Дисциплина совершенно отсутствовала ... Правда, были среди них и такие [солдаты], которые мужественно сражались в передовых рядах и горели искренним желанием прогнать белогвардейские банды и установить во всей России царство трудящихся – рабочих и крестьян. Но это меньшинство; некоторые из них еще по сию пору совершают на нашем фронте чудеса геройства и самопожертвования, но в то время они терялись в толпе крикунов и буянов»².

Неудивительно, что солдаты в подобных условиях обращались за помощью к комиссарам и командованию. Например, в телеграмме политического работника Петухова в политотдел Восточного фронта от 14 июля 1918 г., где сообщалось о положении на симбирском фронте 1-й армии, отмечалось следующее: «Фронтные части требуют чистки»³. Однако даже руководство при поддержке сознательной части красноармейцев в некоторых случаях не могли или не желали справиться с разлагающим воздействием других военнослужащих.

Примечательный случай произошел в середине июля 1918 г. в команде бронепоезда № 4 «Свобода или смерть», которым руководил матрос А.В. Полупанов. Подразделение действовало в составе 1-й армии по железнодорожной ветке бугульминского направления. Согласно воспоминаниям Н. Гимельштейна, после антибольшевистского выступления командующего Восточным фронтом М.А. Муравьева в Симбирске 10–11 июля 1918 г., в команде сформировалась группа солдат, возглавляемая бомбардиром-наводчиком Морозовым, которая выступила за оставление позиций и возвращение в тыл. Кроме того, красноармейцы стали промышлять

¹ Калнин О.Ю. Указ. соч. С. 72.

² Самарский Д. Указ. соч. С. 108.

³ РГВА. Ф. 106. Оп. 7. Д. 20. Л. 59.

грабежами среди населения. «Штаб бронепоезда решил было расстрелять Морозова и его подручных. Но тут оказалось, что значительная часть команды подверглась разложению и идет за Морозовым. Арест и расстрел Морозова и его сообщников повлекли бы за собой столкновение между двумя частями команды. Надо было действовать убеждением и осторожно». Однако даже после всеобщего митинга и принятия постановления о борьбе с грабежами, арестовать зачинщиков не удалось¹.

Иногда борьба с грабителями и дезертирами затруднялась из-за того, что определенная часть солдат заступалась за своих сослуживцев, а также покрывала их. Например, в коллективном письме представителей командного состава финского отряда ВЧК (комиссар К. Лукка, начальник батальона С. Чернов, батальонный командир Вишняков, командир батареи Зирко) Инзенской дивизии 1-й армии политкому С.П. Медведеву от 30 сентября 1918 г. приводился следующий случай. 29 сентября указанными лицами были получены сведения о том, что в усадьбе с. Троцкого происходит грабёж. В результате оперативных действий удалось задержать 11 человек 1-го Пензенского полка, Казанской и Минской батарей. Далее, со слов авторов документа: «Мы провели их на площадь, перед церковью с целью вызвать комиссаров частей и предать их в их распоряжение. Пока ходили за комиссарами, образовалась толпа, состоящая главным образом из солдат 1 Пензенского полка, которые начали брать под свою защиту арестованных ...» Кроме того, против задержания красноармейцев выступили командиры указанных частей и подразделений, а также их комиссары. В результате возникшей потасовки грабителям удалось скрыться².

Политический комиссар 1-го Симбирского полка Симбирской дивизии 1-й армии Н.И. Кирюхин в дневнике писал, что 2 ноября 1918 г. «три красноармейца 9-й роты самовольно реквизируют у одного жителя коляску и упряжь». Вскоре указанные солдаты были арестованы. Однако вечером «вся 9-я рота ходила к штабу дивизии на выручку арестованных, но, постояв, разошлись ни с чем...»³. Иногда подобные факты заступничества сопровождались

¹ Гимельштейн Н. С бронепоездом «Свобода или смерть» // 1918 год на родине Ленина: Сборник воспоминаний о революции в Симбирской губернии. Куйбышев, 1936. С. 213.

² РГВА. Ф. 157. Оп. 1. Д. 2. Л. 45–47.

³ Кирюхин Н.И. Указ. соч. С. 21.

высоким уровнем активности солдат. В политической сводке по 1-й армии от 9 ноября 1918 г. сообщалось, что в Мценском полку Инзенской дивизии из-за задержки в выдаче жалования «красноармейцы арестовали комиссара полка и отправились в тюрьму освободить арестованного комиссаром красноармейца, но встретив по дороге командира полка, разбежались»¹.

Примечательно, что, по мнению членов ВРТ, случаи, когда сознательные солдаты не могли или не хотели воздействовать на своих недисциплинированных сослуживцев, зачастую приравнивались к самому преступлению. Так, в приказе по 1-й армии № 19 от 15 июля 1918 г. приводился следующий эпизод: «Глазков Федор, Комаров Александр и Антипов Григорий, обвиняемые в причастии к разгрому в Заводской Решетке, приговорены Военно-Полевым Трибуналом: Глазкову и Комарову вынести строгий выговор в приказе за то, что видя расхищение вещей, не принимали никаких мер, а способствовали общей деморализации. Антипова освободить как невиновного и не причастного в разгроме»². Трибунал Пензенской дивизии 1-й армии на заседании от 10 сентября 1918 г. также принял решение вынести выговор красноармейцу 2-го Орловского советского полка Н. Черникову за то, что он «не воздействовал на товарища, не принял меры к предупреждению преступления», которое заключалось «в покупке краденых вещей с целью их продажи и в самовольной отлучке из полка»³.

В ноябре–декабре 1918 г. сотрудниками ВРТ 5-й армии было выявлено несколько случаев укрывательства зачинщиков дезертирства. Например, на заседании от 24 ноября 1918 г., где рассматривалось дело 3-х красноармейцев, «обвиняемых в дезертирстве из своих частей, назначенных к отправке на фронт», было принято следующее решение: «признавая, что означенные красноармейцы действовали сознательно, причем при допросе давали ложные и запутанные показания, явно желая выгородить себя и скрыть инициаторов дезертирства, зная их, Военно-полевой революционный суд постановил означенных красноармейцев приговорить к общественным работам на 10 лет»⁴. На заседании от 29 ноября 1918 г. красноармейца 2-го Петроградского Кавалерийского полка Утки-

¹ РГВА. Ф. 106. Оп. 2. Д. 23. Л. 39.

² Там же. Ф. 157. Оп. 3. Д. 609. Л. 18–18 об.

³ Там же. Ф. 1284. Оп. 1. Д. 480. Л. 80.

⁴ Там же. Ф. 185. Оп. 3. Д. 1436. Л. 432.

на, «как укрывшего инициатора дезертирства, зная его», приговорили к принудительным работам на 5 лет, а остальных дезертиров (Лядова и Анисимова) – к принудительным работам на 3 года¹.

Лишь в результате длительной и целенаправленной совместной борьбы армейского командования и комиссаров против недисциплинированной и деморализованной части красноармейцев, сознательные бойцы смогли начать оказывать помощь вышестоящему руководству. Об этом свидетельствует отрывок из письма политкома 1-й армии С.П. Медведева В.И. Ленину от 24 сентября 1918 г. о работе в Пензенской дивизии: «Стоило нам взяться за очищение части от темного, а иногда и подлого элемента – терроризировавшего всю часть, а порою, толкавшего ее на провокацию – как мы сейчас же встретили и отклик и помощь со стороны здорового элемента частей. Как ни расшатаны были части в области внутреннего устройства, все же среди них оказалось очень много такого элемента, который с полным сознанием готов отдать свою жизнь за дело нашей общей борьбы. Нужно было только – и не так уж много – со всей беспощадностью изъять подлый, себялюбивый и своекорыстный элемент, чтобы дать обнаружиться здоровому элементу. Словом, эта половина нашей задачи нам скоро удалась»².

В воспоминаниях политического комиссара артиллерийского дивизиона Симбирской дивизии 1-й армии Н.Г. Самойлова сообщалось, что в подразделении, которое не отличалось высоким уровнем дисциплины в момент включения его в состав указанного соединения в начале августа 1918 г., «нашлось немало честных людей, истосковавшихся по воинскому порядку. Опираясь на них, мы навели порядок...»³

Таким образом, на протяжении второй половины 1918 г. солдаты воинских объединений Красной армии Восточного фронта находились в состоянии постоянной конфронтации друг с другом, которая оказывала негативное влияние на исход боевых действий и процесс создания вооруженных сил. При этом базовой основой значительного числа конфликтов являлось разное представление приведенных в тексте статьи групп бойцов о службе в Красной армии. Сознательные «романтики» руководствовались чувством

¹ Там же. Ф. 185. Оп. 3. Д. 1436. Л. 430 об.

² Медведев С.П. – В.И. Ленину. 24 сентября 1918 г. С. 48.

³ *Самойлов Н.Г.* Как мы учились воевать // Симбирская губерния в 1918–1920 гг. Сборник воспоминаний. Ульяновск, 1958. С. 235.

справедливости и коллективизма, выступая за необходимость совместной борьбы с антибольшевистскими силами. Эгоистичные «прагматики» преследовали собственные интересы. В результате можно даже говорить о борьбе между указанными группами солдат за право сохранять доминирующее положение в Красной армии, о чем свидетельствуют многочисленные попытки при помощи большого количества способов, от агитации и пропаганды до фильтрации и товарищеских судов, оказывать прямое и косвенное воздействие друг на друга. Примечательно, что в силу высокого уровня внушаемости солдат, подобное взаимовлияние было очень результативным. Несмотря на то, что конфликты происходили преимущественно в словесной форме, довольно часто они переходили в активную фазу с применением оружия. Следует отметить, что жестокость, с которой солдаты действовали по отношению к сослуживцам, являлась характерной чертой подобного аспекта взаимоотношений, что подчеркивает остроту рассматриваемых противоречий. Несмотря на то, что командиры, политические комиссары и сознательная часть красноармейской массы активно и довольно успешно боролись с «негодными» элементами в войсках, окончательно решить эту проблему к началу 1919 г. не удалось ввиду продолжающегося вливания в части и подразделения нестабильных во всех отношениях пополнений.

Солдатенко В.Ф.

Апогей Гражданской войны в Украине (конец 1918 г. – 1919 г.)

Справедливо утверждение о том, что самым сложным для молодой Страны Советов оказался 1919 год. Сразу 14 государств, включая наиболее могущественные, предприняли против нее вооруженные интервенции. Наибольшей масштабностью, кровопролитностью отличались и сражения на внутренних фронтах Гражданской войны.

Не меньшим оказалось напряжение в самом крупном национальном регионе – в Украине. Тут динамика, векторы сложнейших процессов были заложены в последние месяцы предыдущего года. Это обуславливает логическую необходимость постижения сущности апогейного периода 1919 года хронологически дополнить, точ-